

А Р Х Е О Л О Г И Я

Н. Г. ПОРФИРИДОВ

ОЧЕРКИ ПАМЯТНИКОВ НОВГОРОДСКОЙ СФРАГИСТИКИ

Печати владык Великого Новгорода

Новгородские печати по обилию занимают совершенно особое место в русской сфрагистике. С каждым годом их фонд продолжает быстро увеличиваться в числе, пополняясь как раскопками археологической экспедиции Академии наук СССР, так и случайными находками, отлагающимися, главным образом, в собраниях местного музея.

Кроме обилия, новгородский сфрагистический материал отличается исключительным разнообразием. В нем представлены все группы вислых печатей древней Руси: печати князей и должностных лиц — посадников, тысяцких, тиунов, печати владык, государственные печати Новгородской республики, печати городских концев, торговые печати и пр.

В совокупности, а часто и в отдельности, новгородские печати обладают большой исторической и художественной значимостью. Известно, что, например, только печати новгородских находок установили неизвестную по летописям и актам должность «тиунов новгородских», дав тем самым новые сведения по политической истории Новгорода¹. В недавнее время преимущественно новгородские печати послужили материалом для интересной работы о древнерусских протопроедрах².

Недооценено художественное значение многих видов новгородских свинцовых печатей, способных дать ценный материал к истории древнерусской мелкой пластики и помочь осветить развитие этой мало изученной области искусства древней Руси.

В единственной по обилию и разнообразию новгородской сфрагистике, в свою очередь, выделяется группа владычных, т. е. епископских печатей. Она представлена особенно большим количеством памятников, давно стала объектом научного внимания и хотя нельзя сказать, что все относящиеся до нее вопросы полностью разрешены, однако изученность этой группы продвинута дальше других.

Обилие владычных печатей в Новгороде неудивительно. Оно объясняется, конечно, ролью владык в политической и общественной жизни древнего Новгорода. Владыка здесь был не только высшей духовной властью, утверждавшей акты, относящиеся до церковного управления и частной жизни граждан. С очень раннего времени он наравне с представителями гражданской власти, и часто обязательнее их, был непререкаемым участником внутрисударственных и внешнеполитических акций, скрепляя их документацию своей печатью.

Из общего числа известных нам экземпляров печатей новгородских владык довольно значительный процент дошел до нас при документах. Это счастливое обстоятельство, так как именно экземпляры, сохранившиеся при документах, должны лежать в основе изучения любого раздела сфрагистики.

Печатей владык Великого Новгорода, т. е. периода до 1478 года, дошло до нас при грамотах до двадцати пяти. Их всего при уцелевших документах, судя по сохранившимся следам, было больше, но часть их оторвалась и утрачена³. Число отдельно дошедших новгородских владычных печатей трудно поддается учету. Если иметь в виду только основные фонды их сосредоточения — собрание Н. П. Лихачева (впоследствии Музея палеографии Академии наук СССР), отразившееся в подготовленном к печати альбоме, музейных собрания Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника, Государственного Русского музея и Эрмитажа, и находки Новгородской археологической экспедиции Академии наук СССР⁴, их насчитывается около шестидесяти пяти. Некоторое количество печатей данной группы находилось и, вероятно, находится в частных собраниях⁵.

Как быстро шло накопление материалов по данной группе древнерусских печатей показывает сравнение числа известных экземпляров, приводимого в обзорах, отделенных друг от друга периодом около ста лет, причем только по одному из разделов группы — именованным печатям. В середине прошлого столетия автор «Русской геральдики» мог назвать именные печати только трех новгородских владык⁶; в одном из последних обзоров могло быть указано уже около сорока именных печатей, принадлежащих семнадцати лицам⁷. Со времени опубликования последней статьи это число еще несколько увеличилось новыми находками.

Изучение памятников древнерусской сфрагистики позволило установить существование двух видов владычных печатей — **именных**, т. е. содержащих надпись с указанием имени владельца, и **анонимных**, т. е. не содержащих в надписи определенного имени или вообще не имеющих надписи, однако давно правильно понятых в качестве владычных⁸. Оба вида печатей имели свой особый тип, эволюционировавший во времени. Главным и основным, конечно, должен быть признан вид печатей именных, связанных с определенными историческими лицами, хотя экземпляров этого вида количественно известно меньше, чем экземпляров анонимного вида.

Итоги имеющихся сведений по первому виду новгородских владычных печатей можно представить на следующей сводной таблице.

№ № п/п	В л а д ы к и	Известно печатей		Примечания
		при доку-мент	отдельно	
1	Иоаким Корсуянин —1030			
2	Ефрем 1030—1035			Заведывал епархией, но не был епископом
3	Лука Жидята 1036—1060			
4	Стефан 1060—1068			
5	Феодор 1069—1077			
6	Герман 1078—1095			
7	Никита 1096—1108			
8	Иоанн Попин 1110—1130			
9	Нифонт 1130—1156	—	4	
10	Аркадий 1156—1163			
11	Илия (Иоанн) 1165—1186			
12	Григорий (Гавриил) 1186—1193			
13	Мартирий 1193—1199	—	2	
14	Митрофан 1199—1211 и 1219—1223	—	1	
15	Антоний 1211—1219 и 1225—1229	—	1	
16	Арсений 1223—1225 и 1228	—	—	Занимал кафедру без посвящения. (?)
17	Спиридон 1229—1249	—	1	
18	Далмат 1251—1274	2	2	
19	Климент 1274—1299	—	3	
20	Феохтист 1299—1308	2	3	
21	Давид 1309—1325	1	6	
22	Моисей 1325—1330 и 1352—1359	—	4	
23	Василий 1331—1352	—	2	
24	Алексей 1359—1388	1	2	
25	Иоанн 1388—1415	—	1	
26	Симеон 1415—1421	1	—	
27	Феодосий 1421—1423	—	—	Не был хиротонисан
28	Евфимий I 1423—1429	—	—	
29	Евфимий II 1429—1458	—	1	
30	Иона 1458—1470	1	—	
31	Феофил 1470—1482	—	—	

Настоящая таблица может быть прокомментирована следующим образом.

Новгородскую кафедру со времени ее учреждения в XI веке до утраты Новгородской республикой самостоятельности в 1478 г., не принимая в расчет повторных восхождений одних и тех же лиц, занимало 31 лицо.

Семь, или, считая и не бывшего епископом Ефрема, восемь первых владык, занимавших кафедру в XI и начале XII вв., не оставили печатей; во всяком случае новгородских владычных печатей за этот период пока неизвестно.

Владыки, не имевшие посвящения (Арсений, Феодосий), можно думать, именными печатями не пользовались.

Из остающихся двадцати одного владыки к настоящему времени известны уже именные печати шестнадцати. Вернее, эта цифра должна быть увеличена до семнадцати, так как в числе печатей этого вида должна учитываться несомненно именная печать, на которой как раз строка надписи с именем владельца отгиснулась неразборчиво⁹. Судя по типологическим признакам, можно полагать, что это печать XIII века и, скорее всего, Спиридона (1229—1249).

Древнейшим памятником новгородских владычных именных печатей, таким образом, является пока печать **Нифонта** (1129—1156), известная в четырех экземплярах, три из которых изданы Лихачевым, четвертый находился в собрании Новгородского музея. Небезынтересно отметить, что из четырех экземпляров печати только два новгородского происхождения, другие два—зарубежного (Константинополь и Афины). Печать небольшого размера, около 20 мм, содержит на одной стороне поясное изображение Божьей Матери Знамение, на другой—греческую надпись в пять строк с именем владельца; то и другое в ободке из точек. И изображение, и надпись характеризуются тщательностью и изяществом выполнения.

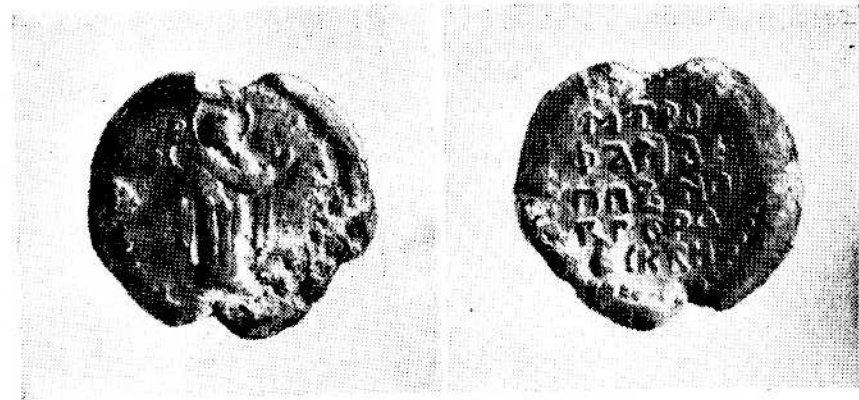
Как наиболее древняя из всех известных, печать **Нифонта** ложится тем самым в главу истории исследуемого вида новгородских печатей. По отмеченным выше чертам—поясному изображению Божьей Матери и греческой надписи—она является пока единственной среди новгородских именных владычных печатей. С другой стороны, те же особенности сближают ее с рядом печатей русских епископов-греков XI—XII веков: киевского митрополита Никифора, смоленского епископа Мануила, галицкого епископа Козьмы. Как известно, по вопросу о национальности **Нифонта**, выдающегося политического и церковного деятеля, достраивавшего Новгородскую Софию, строителя Мирожского монастыря в Пскове и церкви Климента в Старой Ладоге, мнения историков расходятся¹⁰. Печать **Нифонта**, по-видимому, способна подкреплять доводы в пользу греческого происхождения владельца.

Следующей по времени известной печатью, как видно из таблицы, является печать **Мартирия** (1193—1199). Отрезок времени между **Нифонтом** и **Мартирием** не столь велик, — менее 40 лет, —

но в интересующем нас отношении его значение увеличивается тем, что в продолжение его на новгородской кафедре сменились три лица: **Аркадий**, **Илья** (Иоанн) и **Григорий** (Гавриил). Печатей названных трех владык, последовательно занимавших новгородскую кафедру, не известно. Не было ли их, что мало вероятно, или эти печати были анонимными? Не следует ли их искать среди еще не атрибутированных новгородских печатей без надписей, и какого типа? — об этом пока можно только строить предположения. В дальнейшем история новгородских владычных печатей такого разрыва не дает.

В течение указанного сравнительно недолгого времени в типе печатей произошли значительные изменения. По небольшим размерам, около 20 мм, каллиграфичности шрифта, художественным достоинствам изображения и применению точечного ободка печати **Нифонта** и **Мартирия** близки друг к другу, становясь вместе в ряд памятников сфрагистики, характерных для XII века. Остальными чертами **Мартириева** печать существенно отличается от **Нифонтовой**. Надпись на печати уже не греческая, а русская; формула ее иная — без молитвенного обращения к Богородице, а лишь с обозначением имени и титула владельца; изображение Божьей Матери Знамение дано не в пояс, а в рост. Эти черты затем надолго, на целых два столетия, получили устойчивый характер. Все без исключения известные печати новгородских владык XIII и XIV столетий характеризуются русскими надписями, расположенными строчно и содержащими лишь имя и титул владельца, и изображениями Божьей Матери Знамение в рост.

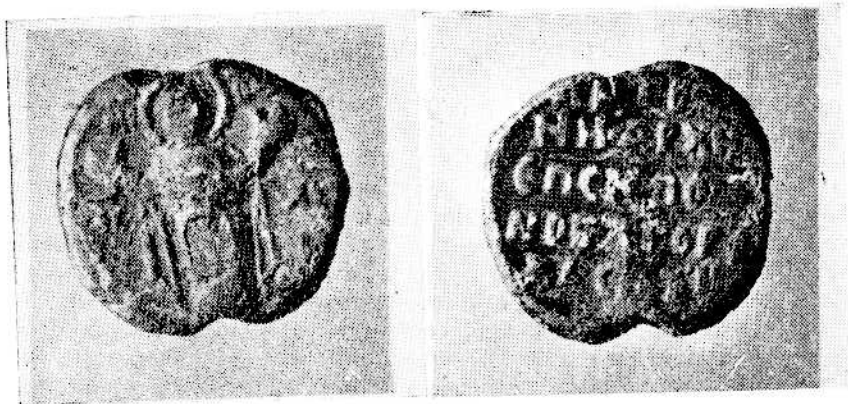
Печати владык XIII—XV веков к настоящему времени известны почти исчерпывающе, причем многие из них дошли до нас при грамотах. Указанные века — время многочисленных договоров Новгородской республики с князьями, развитой документации внешнеполитических сношений и внутреннего управления Новгоро-

Печать архиепископа Митрофана (нач. XIII в.).

да. Как правило, участниками этих актов со стороны Новгорода, в числе других его представителей, были владыки, печати которых потому оказались при большинстве документов.

Известны именные печати всех пяти новгородских владык XIII века (не считая Арсения, занимавшего кафедру без посвящения). Печати Спиридона, Далмата¹¹ и Климента упоминались в литературе и воспроизведены в альбом Лихачева. Теперь изданы печати еще двух владык, самого начала XIII века — Митрофана и Антония, знаменитого путешественника, автора книги «Паломник»¹², обе пока уникальные и обе новгородской находки.

Печать архиепископа Антония (1211—1219 и 1225—1229 гг.).

К указанным выше характеристикам, укрепляющимся с конца XII века, в печатях XIII века надо прибавить довольно резко отличающее их от печатей XII века увеличение размера пластинок до 25—26 мм (исключение из чего представляет только печать Антония, сохраняющая размер 20 мм) и изменения в стиле изображений и надписей. Те и другие в XIII веке становятся гораздо более грубыми. Фигура Богоматери теряет правильность пропорций и тщательность резного выполнения, не всегда умещается на площади печати, рисунок рук и складок одежд схематизируется. Надписи также утрачивают стройность и каллиграфичность, буквы увеличиваются в размере, иногда изображаются неправильно или в перевернутом виде и, как и изображение, часто также не умещаются на пластинке. Подобного рода черты огрубения стиля изображений и надписей прослеживаются не только в печатях, но и в ряде других произведений прикладного искусства и мелкой пластики: каменных резных образках, медных литых изделиях и проч. Среди них, как известно, не существует датированных памятников. Точно датированные свинцовые печати помогут уточнить определение и датировку аналогичных им произведений других видов.

Таким же исчерпывающим образом, притом еще большим ко-

личеством экземпляров, представлены именные печати владык XIV века — Феоктиста, Давида, Моисея, Василия, Алексея и Иоанна. Печати Моисея, разных матриц, особенно часто были найдены за последние годы в Новгороде¹³.

Если по конец XIV века именная печать владык Великого Новгорода устойчиво сохраняла свой тип в отношении изображения и надписи, разумеется, с различиями в стиле изображений и шрифте надписей, то в XV веке все печати обнаруживают те или иные отступления от традиционного типа.

Печать Симеона (1416—1421), известная в одном экземпляре, дошедшем при грамоте этого владыки в Ригу, имеет изображение не Богоматери, а благословляющей руки и не строчную, а круговую надпись в иной формуле, притом—единственная из печатей до 1478 года — она отлита не в свинце, а в воске¹⁴. Печати, дошедшие при грамотах Евфимия II (1434—1458), все принадлежат к виду анонимных. С именем этого владыки известна одна печать, несковская, содержащая изображение не Божьей Матери, а эмбле-

Печать архиепископа Ионы (1458—1470 гг.).

мы Пскова—Троицы¹⁵. На печати Ионы (1458—1470), имеющейся при грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю¹⁶, помещено не встречавшееся до нее изображение Христа на троне. Изображение сидящей фигуры Христа исполнено в хорошем иконографическом стиле XV века, правильным и строгим рисунком, с хорошо разобранными складками одежд, довольно высоким рельефом, окружено ободком из точек. Надпись в шесть строк такого же правильного и строгого характера и в таком же ободке, с пунктирными украшениями сверху и внизу. Печатям XV века свойственна тенденция к еще большему увеличению в размерах по сравнению с печатями XIV века — до 33 мм и более.

Наряду с именованными печатями новгородских владык давно были отмечены подобные им печати с такими же как на них изображениями Богоматери на одной стороне, но содержащими на другой стороне не надпись, а изображение голгофского креста. Они были правильно поняты в качестве владычных же¹⁷, но другого, анонимного вида.

В настоящее время анонимных новгородских владычных печатей известно больше, чем именованных. В альбоме Н. П. Лихачева их воспроизведено 37, в Трудах Новгородской археологической экспедиции Академии наук СССР издано 6, в собрании Новгородского музея находится 6 и пр.

Анонимные печати еще не стали предметом подробного исследования. В литературе им посвящен единственный краткий, но содержательный очерк В. Л. Янина¹⁸, устанавливающий закономерности эволюции данного вида печатей. Различая по изображению голгофского креста — дополненного орудиями страстей и титлами или без того и другого — две отличные группы или разновидности анонимных печатей, автор, на основании стратиграфии находок и сопоставления найденных экземпляров с сохранившимися при датированных грамотах, убедительно относит первую разновидность (содержащую изображение креста с орудиями страстей) к XV веку и вторую (крест без орудий и титлов) — к XIV веку.

Несомненно, XIV и XV века действительно являлись периодом наибольшего употребления этого вида печатей. Однако, существование его, как представляется, нельзя ограничивать указанным временем, но следует отодвинуть значительно глубже. Значительно ранее XIV века, по-видимому, наряду с именованными владычными печатями существовали печати хотя и с надписями, но не содержащими имени владельца, т. е. по существу анонимные.

Известна воспроизведенная Н. П. Лихачевым свинцовая печать XII века, найденная в Новгороде, близко сходная с печатью Нифонта по общему виду, технике, типу и стилю изображения и шрифту греческой надписи¹⁹. В недавнее время этот памятник был предметом специального исследования и, на основании прочтения автором попорченного места надписи, признан за печать торевта, т. е. резчика по металлу, мастера, — того, который резал и известную печать Нифонта²⁰. Думается, все же, что на печати в формуле греческой надписи «ΑΓΝΗ ΣΚΕΠΗΣ ΜΕ...» (т. е. «пресвятая, воззри на мя...»), столь известной по древнейшим архиерейским печатям, на том месте, где в других случаях стоит имя владельца, здесь употреблено безличное выражение «ΤΟΝ ΘΥΤΗΝ», означающее «пастыря», т. е. епископа Новгорода²¹. При этом прочтении новгородская анонимная печать становится в ряд с подобными же, иногда несколько отличающимися по формуле греческой надписи, анонимными южнорусскими печатями некоторых киевских

митрополитов²² и оказывается печатью кого-то из новгородских епископов XII века, может быть, того же Нифонта. В таком случае в данном памятнике имеем древнейший (для Новгорода) пример анонимной владычной печати.

Греческие надписи именованных владычных печатей, как мы видели, уже в XII веке сменились русскими. По-видимому, то же самое явление имело место и в анонимных. При раскопках археологической экспедиции Академии наук СССР в Новгороде в 1953 году на Неревском конце был найден фрагмент архиерейской печати, содержащей на одной стороне изображение восьмиконечного креста на подножии, на другой надпись: «ПЕЧАТЬ ВЛАДЫЧНЯ»²³. Хотя печать найдена в слоях яруса, относящегося к началу XIV века, по своеобразным признакам издатель датирует ее серединой XIII века. Нам представляется, в ней можно видеть своего рода «вторую стадию» в эволюции анонимных владычных печатей. Ход эволюции в таком случае тот же, что и в основном виде печатей.

Господствующим, а затем и единственным, стал другой тип анонимной владычной печати — вовсе без надписи, с изображениями на обеих сторонах: на одной Богоматери Знамение, на другой — креста. К этому типу принадлежат почти все известные анонимные печати.

Памятники этого типа пока еще остаются в положении плохо расчленяемой массы. Однако, стоящая на очереди задача их типологической классификации, хронологического распределения, а, может быть, и распределения по владельцам, не кажется безнадежной. К решению ее ведут несколько путей, восполняющих и взаимно корректирующих друг друга: анализ изображений крестов, еще более стилистический анализ изображений Богоматери, сопоставление анонимных печатей с именованными, проверка полученных таким способом выводов данными весьма точно разработанной новгородской стратиграфии и проч. Относительная «массовость» материала является дополнительным благоприятствующим обстоятельством. Первая попытка разобраться в данном материале уже повела к ценным наблюдениям и выводам²⁴.

Существенным, но еще не вполне освещенным вопросом является вопрос соотношения анонимных печатей с именованными в смысле употребления тех и других. Чем определялось употребление анонимных печатей: отсутствием ли именной печати у того или иного владыки?, разницей ли обстоятельств, определявших пользование тем или иным видом печати? — на эти вопросы пока нельзя ответить с полной достоверностью.

Приведенная выше таблица именованных печатей новгородских владык как будто не оставляет сколько-нибудь значительного «окна», с которым можно было бы связать исключительное бытование анонимных печатей. Владык, чьи именные печати неизвестны, немало, их число неуклонно уменьшается с новыми находками, и «белые пятна» в таблице стираются.

Еще важнее то обстоятельство, что может быть указан ряд случаев употребления того и другого вида печатей в одно и то же время.

Решению вопроса в том смысле, как предполагал Н. П. Лихачев, предположивший рассматривать именные печати в собственном смысле личными печатями новгородских владык, а анонимные лишь употреблявшимися от их имени уполномоченными на то лицами, при видимой простоте объяснения, по-видимому, противоречат некоторые факты юридического оформления грамот. Так, при нескольких грамотах владыки Феоктиста, 1304—1308 годов, как известно, висят его именные печати²⁵ и одновременно при его же грамоте того же времени, как будто одинаково оформленной («Благословение от владыка Феоклиста...»), подвешена анонимная печать²⁶. При ряде грамот владыки Евфимия, данных как будто, судя по формулировкам, не только от его имени, но при его непосредственном участии: «...докончал есмь мир вечный с владыкою Евфимьем и с...» (Договорная грамота литовского вел. князя Казимира с Новгородом, 1440—1447 гг.), «...се приехаша послови... к осподину пресвященному архиепископу Великого Новгорода владыки Евфимью...» (Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом 1448 года) и др., подвешены анонимные печати²⁷.

Любопытно, что употребление печатей новгородских владык к концу существования Новгородской республики приводит по существу к стиранию различия между тем и другим видом. Известные экземпляры печати последнего выборного владыки Феофила (1470—1482) принадлежат в целом к виду анонимных. Однако, лишённые надписи как таковой, они тем не менее сохраняют некоторую связь с именными, так как несут имя владельца, почти зашифрованное среди титл, которыми окружено изображение креста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде — «Материалы и исследования по археологии России», № 11, 1949, стр. 148. В. Л. Янин. Печати новгородских тиунов как исторический источник — «Краткие сообщения ИИМК», вып. 52, 1953.

2. В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. — «Советская археология», 1957, № 1.

3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд. АН СССР, М.—Л. 1949.

4. Труды Новгородской археологической экспедиции. Том I — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 55, 1956, стр. 144.

5. Известные нам частные коллекции памятников новгородской сфрагистики П. И. Юкина, К. В. Федорова, М. А. Ковалева, к сожалению, по-видимому, не сохранились.

6. Лакнер. Русская геральдика. — «Записки археологического общества», т. VII, СПб., 1854, стр. 162—163.

7. Н. Г. Порфиридов. Именные владычные печати Новгорода. — «Советская археология», 1958, № 3.

8. Древности. Труды Московского археологического общества. Том III. М. 1873, стр. 306.

9. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Архив ЛОИИМК. Таблица XXXVIII, 13.

10. Е. Голубинский. История русской церкви. Том I, 1 половина. М. 1901; А. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Новгороде. СПб. 1879; М. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб. 1913.

11. Интересно отметить, что печать Далмата, первая из дошедших до нас *in situ* при договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле, подвешена к документу в двух видах: хрисовула (золотой экземпляр на красном шелковом шнуре) и моллизовула (свинцовый экземпляр на витятом шнуре), тот и другой оттиснуты одними матрицами. Такое же явление представляют и две другие печати у данного документа — печать кн. Ярослава Ярославича и «печать всего Новгорода».

12. Н. Г. Порфиридов. Ук. соч., стр. 223.

13. Два экземпляра собрания Новгородского музея, найденные при раскопках музея на Ярославовом Дворике в 1946 г. и подъемным образом на Петровском кладбище в 1958 г.; экземпляр, найденный сыном Б. К. Мантейфеля в 1952 г. (местонахождение неизвестно); экземпляр, найденный при раскопках Новгородской археологической экспедиции АН СССР на Неревском конце в 1957 г.

14. Судя по тому, что такое же отступление от обычного материала владык печатей представляют и одновременно ей печати новгородских светских властей — посадника Александра Игнатьевича и тысяцкого Кузьмы Терентьевича, — в Новгороде был какой-то короткий период употребления восковых печатей, после которого возвратились к прежнему материалу.

15. Н. П. Лихачев. Альбом, XXXVII, 1.

16. Архив Ленингр. отд. н.-та истории АН СССР. Собрание актов до 1613 г., № 1/8.

17. Лакнер. Ук. соч., стр. 160 и сл.; «Древности. Труды Московского археологического об-ва», т. III, М. 1873, стр. 306.

18. В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. — «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 55, М. 1956, стр. 144—146.

19. Н. П. Лихачев. Альбом, XXIV, 1.

20. В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. — «Советская археология», 1957, № 1.

21. Так читал это место Н. П. Лихачев.

22. Ср., например, печать «митрополита России» собрания Киевского исторического музея, найденную при раскопках на Владимирской улице в Киеве в 1955 г.

23. В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. — «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 55, М. 1956, стр. 146. Табл. II, 17.

24. В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 144—146.

25. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд. АН СССР, 1949, №№ 6, 7, 9.

26. Там же, № 36.

27. Там же, № 70, 72.